

шолтфа

Д.П.Каранов
**МИГРАНТЫ
 И ПРИНИМАЮЩЕЕ ОБЩЕСТВО:
 КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ
 МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
 В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ**

Мы не против жителей Кавказа,
 наоборот, наши двери всегда открыты
 для честных и трудолюбивых людей,
 но мы не позволим не уважать наши законы.

Сергей Катанандов

(глава Республики Карелии в 2002—2010 гг.)

¹ См. Костин 1997;
 Стефаненко 2003;
 Юдина 2003; Зай-
 ончковская 2004;
 Арутюнян 2005;
 Жуковская 2009;
 Мукомель 2011
 и др.

² См., напр.
 Triandis 1994; Tibi
 1998; Schiffauer
 1999.

³ По данным Васи-
 лия Филиппова, за
 последние 10 лет
 число выходцев из
 Китая в Москве
 увеличилось в 35
 раз, вьетнамцев —
 в 14 раз, таджи-
 ков — в 12 раз,
 чеченцев — в 7 раз,
 ингушей — в 6 раз,
 молдаван —
 в 5 раз, азербайд-
 жанцев — в 4,6
 раза, армян и гру-
 зин — примерно в
 3 раза, причем речь
 о постоянном на-
 селении столицы,
 без учета трудо-
 вых мигрантов
 (Филиппов 2009:
 34—35).

Ключевые слова: межэтнические отношения, мигранты, идентичность, этничность, интеграция, принимающее общество

Тема взаимоотношений мигрантов и членов принимающего общества настолько широка, что затрагивает сферу интересов многих гуманитарных дисциплин. Выявление ключевых факторов и условий формирования как отрицательного, так и положительного отношения к мигрантам в принимающем обществе требует применения широкого спектра подходов. Междисциплинарная направленность обусловлена в первую очередь стремлением максимально полно описать ситуацию и раскрыть сущность исследуемой проблемы. За последние 20 лет как в России¹, так и за рубежом² вышло много интересных работ, посвященных взаимоотношениям мигрантов и принимающего общества. Однако проблема интеграции мигрантов не потеряла своей актуальности. Спорными остаются и многие сопутствующие проблемы, прежде всего касающиеся природы этничности, а также самоидентификации индивидов и групп.

Интенсификация миграционных процессов³, нередко оборачивающаяся ростом социальной напряженности, заставляет научное сообщество обратить внимание на целый ряд острых вопросов. Какую роль играет этничность в восприятии мигрантов принимающим обществом? Является ли этническая принадлежность мигранта главным фактором, определяющим отношение к нему? На чем основано отторжение мигрантов? Что может вызвать межэтнический конфликт? Поиску ответов на эти вопросы и посвящена настоящая статья.

Переезжая на новое место жительства, группы мигрантов сталкиваются с абсолютно новой реальностью. У каждой местности, у каждого населенного пункта имеются свои эксклюзивные, свойственные только им черты. Речь идет, с одной стороны, о географических особенностях (климат, ландшафт и т.д.), а с другой — об уникальности социокультурной организации индивидов. Социокультурная специфика присуща всем населенным пунктам — от самых небольших деревень и поселков до крупных городов и мегаполисов. Однако поскольку деревни чаще всего моноэтничны, мы сконцентрируем свое внимание на городах как месте сосредоточения индивидов и групп, принадлежащих к различным этносам и культурам, но при этом объединенных общей идентичностью.

Как известно, на протяжении своего жизненного пути человек идентифицирует себя с разными социальными группами. Более того, индивид может быть одновременно частью многих общностей — этнической, национальной, религиозной, территориальной, профессиональной, цивилизационной. Например, житель Екатеринбурга может считать себя екатеринбуржцем, уральцем, россиянином и т.д. Как справедливо заметил Сергей Арутюнов, «известен лишь один надежный критерий для любых этнических общностей (и, добавлю от себя, не только этнических — Д.К.) — самоосознание через самосознание, проявляющееся в самоназвании. „Мы китайцы“ — достаточно ясно»⁴.

⁴ Арутюнов 2000: 77.

В ходе исследования афганской диаспоры Москвы Вячеслав Попков обнаружил, что, помимо принадлежности к национальной общности, респонденты в большинстве случаев подчеркивают свою связь с этническими группами: «Мы в Москве все являемся афганцами, но все равно я не могу забыть, что я хазарец»; «Я сначала пуштун, а потом афганец, потому что для меня важнее мое национальное происхождение» и т.д.⁵ Как видно из приведенного примера, идентичности индивидов неравнозначны, существуют общности, с которыми человек идентифицирует себя в первую очередь. Эта ключевая идентичность и будет определять его поведение в социуме. Судя по данным, приводимым Юриком Арутюняном, представители азербайджанской и армянской общин в Москве видят в себе прежде всего россиян, причем частота подобной самоидентификации увеличивается «по мере „коренизации“... в столице, пропорционально времени проживания в Москве»⁶. В свою очередь, опрос, проведенный немецким ученым Вернером Шиффауэром, показал, что молодые турецкоязычные жители германской столицы склонны связывать себя не с материнским турецким этносом и не с принявшим их немецким обществом, а именно с Берлином⁷. Этот факт заставляет задуматься об обоснованности примордиалистской трактовки этничности.

⁵ Попков 2003:157.

⁶ Арутюнян 2005: 34.

⁷ Schiffauer 1999.

Принадлежность к общности определяется внутренней убежденностью индивида и подкрепляется стереотипным представлением о культурных ценностях, традициях, отличительных чертах каждой группы. Так, по свидетельству Попкова, отвечая на вопрос, что значит

⁸ Попков 2003: 157.

быть настоящим афганцем, большинство пуштунов «обязательно говорят о пуштунвали — пуштунском кодексе чести»⁸. Подобные «кодексы чести» (то есть правила поведения) присущи любой общности, они образуют ее культурно-ценностное ядро. Соблюдение принятых в той или иной группе правил дает человеку основания считать себя ее частью, лишая других членов группы возможности опровергнуть факт его принадлежности к ней.

Будучи, как и этнос, социальным организмом, городская общность тоже может располагать собственным «кодексом чести», или комплексом культурно-ценностных норм и правил поведения, формирующихся на базе представлений большинства ее членов, выработанных в результате взаимодействия со средой. По сути, человек отвечает себе на вопрос: что значит быть москвичом (петербуржцем, ростовчанином и т.д.)? Находясь в постоянном взаимодействии с другими членами общности, индивид «впитывает» общие социокультурные нормы. Он как бы подстраивается под общность, приобретая «культурную валентность». В случае попадания индивида в другую социальную среду скорость его интеграции в нее прямо зависит от степени близости его культурно-ценностных представлений к представлениям, сложившимся в принимающем обществе.

Итак, каждая социальная общность обладает своим, если можно так выразиться, сводом правил. Совокупность культурно-ценностных и поведенческих установок соответствующей общности можно определить как ее социокультурное ядро (Core)⁹, охватывающее собой общие представления всех членов общности о том, что их объединяет и что отличает от других. Это ядро может включать в себя стереотипные установки относительно образа жизни, внешнего вида, лингвистических особенностей, культурных ценностей, способов проведения свободного времени и т.д. Идентифицируя себя с городской общностью, индивид осознает, что значит быть ее частью и чем эта общность отличается от иных. Лежащие в основе групповой идентичности установки играют решающую роль при взаимодействии представителей различных социокультурных сред. Как правило, чем больше точек соприкосновения в идентификационном поле, тем проще протекает такое взаимодействие.

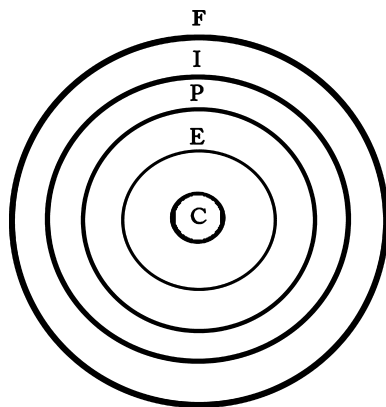
Но если Core влияет на индивидов и группы в процессе их социального взаимодействия, нетрудно предположить, что члены социокультурной общности, в свою очередь, влияют на него. Какие же социальные группы оказывают наибольшее влияние на коллективные культурно-ценностные установки в городской среде? Этот вопрос, на наш взгляд, самым непосредственным образом связан с проблемами социальной напряженности, роста националистических настроений и распространения ксенофобии. Для ответа на него прежде всего необходимо проанализировать социокультурную структуру городского социума.

Любой социальный организм — от малых групп, где выделяются лидеры и ведомые, до социально-политических общностей с характер-

⁹ Понятие социокультурного ядра в какой-то мере близко к понятию «образцовая культура», введенному немецким исследователем Бассамом Тиби (см. Tibi 1998).

ными для них институтами власти — имеет иерархическую структуру. Иерархия в социокультурной среде определяется возможностью влиять на ядро своей общности. Исходя из дифференцированного характера социума, можно предположить, что существуют социальные группы, «приближенные» к Core и «удаленные» от него. Очевидно, например, что коллективу ткачих одной из городских фабрик труднее повлиять на модные тенденции предстоящего сезона, чем сотрудникам популярного женского журнала. Таким образом, социокультурная структура городской общности должна включать в себя ядро и совокупность социальных групп, идентифицирующих себя с этой общностью, но обладающих разным потенциалом влияния на комплекс присущих ей культурно-ценностных норм и установок. Разницу в потенциале влияния на содержание таких норм и установок можно представить в виде своеобразных «орбит» вокруг ядра, охватывающих соответствующие социальные группы (см. *рис. 1*).

Рисунок 1 Орбиты социальных групп в социокультурной структуре городского общества

Как видно из *рис. 1*, социокультурные орбиты, фиксирующие потенциальную возможность социальных групп повлиять на общие культурно-ценностные представления, различаются по степени приближенности к Core (C). Условно можно выделить четыре орбиты: «elite» (E), «pretenders» (P), «intellectuals» (I) и «folk» (F). Расположенные на ближайших к ядру орбитах социальные группы оказывают влияние не только на него, но и на социальные группы, находящиеся на более отдаленных орбитах. Однако прежде чем приступать к рассмотрению каждой орбиты в отдельности, отметим, что мы отнюдь не претендуем на создание новой модели стратификационного устройства общества и речь идет лишь о попытке наглядно отразить природу межэтнических

отношений в социуме путем сопоставления идентичностей принимающего общества и мигрантов.

Термином «elite» мы обозначаем совокупность социальных групп и индивидов, оказывающих наиболее значимое, по сравнению с другими группами, воздействие на комплекс культурно-ценностных представлений той общности, частью которой они себя считают. В определенном смысле выделяемая нами «elite» близка к «элите», под которой понимаются высшие слои общества, его политическая, экономическая и культурная «верхушка», однако в данном случае акцент делается на возможности влияния на ядро, без привязки к материальному положению и общественному статусу. Применительно к поставленным в настоящей статье задачам этот уровень интересен тем, что включает в себя как группы, так и отдельных индивидов, чье мнение авторитетно для большинства членов общности. На орбите «elite» занимают место не только политические деятели и крупные бизнесмены, идентифицирующие себя с соответствующей общностью и способные внести весомый вклад в комплекс ее культурно-ценностных установок, но и известные ученые, духовные лидеры, выдающиеся писатели и поэты, популярные творческие коллективы и т.д. Так, например, творчество великих поэтов и писателей XIX в., живших в Санкт-Петербурге (от Александра Пушкина до Федора Достоевского), наложило значимый отпечаток на социокультурную среду этого города (как и на русскую культуру в целом).

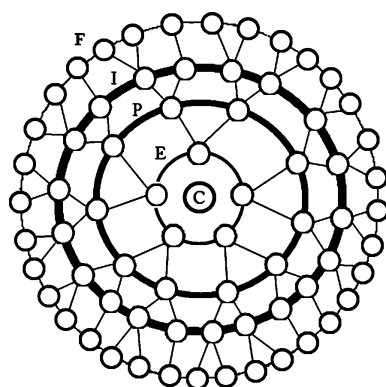
Несмотря на относительную близость к Core, расположенные на следующей орбите социальные группы («pretenders») обладают заметно меньшими возможностями повлиять на его содержание. Уровень «pretenders», или субэлиты, охватывает совокупность социальных групп, имеющих в своем распоряжении немалые ресурсы, в том числе властные, но еще не «доросших» до элиты. Их неспособность оказывать полноценное воздействие на ядро определяется рядом факторов, прежде всего отсутствием поддержки со стороны большинства членов социума. На орбите «pretenders» можно увидеть чиновников, предпринимателей, топ-менеджеров крупных государственных и негосударственных учреждений, журналистов и т.д. Стоит отметить, что, являясь довольно слабым на уровне Core, влияние такой субэлиты отчетливо ощущается на уровне «intellectuals».

На орбите «intellectuals» «вращаются» социальные группы, объединяющие лиц умственного труда, которых в отечественной традиции принято относить к интеллигенции. Входящие в них индивиды занимают более высокое социальное положение по сравнению с «folk», но имеют качественно меньше ресурсов, нежели «pretenders». Они активно взаимодействуют с представителями орбиты «folk», оказывая на них существенное влияние. В нашем понимании такую позицию в социокультурной структуре городской общности занимают учителя, врачи, рядовые чиновники, мелкие предприниматели, высококвалифицированные специалисты, сотрудники научно-исследовательских центров и т.д.

Самая широкая и вместе с тем самая удаленная от ядра орбита «folk» включает в себя наибольшее число социальных групп и по вместимости, то есть количеству охваченных ею индивидов, превосходит три расположенные выше орбиты вместе взятые. По сути, на ней находятся все не попадавшие на другие орбиты. Квалифицированные и неквалифицированные рабочие, студенты и школьники, солдаты и заключенные, большая часть пенсионеров, работники сферы торговли — вот неполный перечень социальных групп орбиты «folk», объединенных одной-единственной общей характеристикой: будучи основными носителями и, если можно так выразиться, «потребителями» культурно-ценностных норм и правил поведения, эти группы лишены возможности влиять на социокультурное ядро общности, с которой они себя идентифицируют.

Социокультурная структура городской общности «в чистом виде», все компоненты которой в меньшей или большей степени идентифицируют себя с ней, отображена на *рис. 2*.

Рисунок 2 Социокультурная структура городского общества

Исходя из сказанного выше, мы можем определить городское принимающее общество как социокультурную среду, обладающую собственной структурой и комплексом представлений о своих отличительных чертах, а также набором культурно-ценностных установок и правил поведения. Все социальные группы, ведущие активную жизнедеятельность в этой среде, разделяют присущие ей представления, усваивая их в процессе формирования общей (со средой) идентичности. Но это только одна сторона рассматриваемой проблемы. Для ответа на поставленные в начале статьи вопросы необходимо обратиться к проблеме восприятия мигрантом принимающего общества и проанализировать возможные модели его поведения в инокультурной среде.

¹⁰ Стефаненко 2003: 15.

Если, переезжая на новое место жительства, индивид попадает в иную социальную реальность с иными культурно-ценностными установками, он испытывает так называемый культурный шок¹⁰. От того, сумеет ли мигрант преодолеть противоречия между социокультурными нормами принимающего общества и теми, что он усвоил в «родном» социуме, зависит успех его адаптации к новой среде. Как отмечает Роман Костин, в процессе адаптации «выявляется способность мигранта решать меняющиеся и повторяющиеся проблемы путем претворения в жизнь принятых им новых жизненных норм и ценностей»¹¹.

¹¹ Костин 1997: 77.

Существует три основных варианта поведения мигранта в инокультурной городской среде:

- мигрант следует правилам поведения и культурным нормам, характерным для нового места своего пребывания, идентифицируя себя с соответствующим социумом (ассимиляция);
- мигрант идентифицирует себя с определенным населенным пунктом, но не с его сообществом, сохраняя верность социокультурному ядру «материнской» общности (формирование диаспоры);
- чувствуя свою отчужденность и не желая приспосабливаться к новой социокультурной среде, мигрант покидает ее (бегство).

Поскольку при реализации последнего сценария взаимодействие мигранта с принимающим обществом естественным образом прерывается, мы не будем на нем останавливаться. Однако первые два заслуживают более подробного рассмотрения.

Ассимиляция мигранта, предполагающая принятие им культурных норм и правил поведения, присущих новой среде проживания, может быть полной или частичной. При полной ассимиляции происходит «потеря» этничности, когда индивид целиком ассоциирует себя с новой средой и ее социумом. В большинстве случаев, однако, речь идет о частичной ассимиляции. Именно о такой ассимиляции пишет, например, Арутюнян: «Много лет назад, когда миграция людей разных национальностей в столицу диктовалась... стремлением к... социальному росту, мигрировали и утверждались в Москве прежде всего активные, социально насыщенные этногруппы, которые быстро адаптировались к новой столичной среде. Они, по существу, создавали здесь полиэтническое ядро, органически вписанное в столичный социум — общность москвичей»¹². Потребность в самореализации заставляет индивидов принимать условия, которые им диктует новая социокультурная среда, вследствие чего их этническая идентичность, не исчезая полностью, отступает на задний план. По этому пути пошли, в частности, этнические казахи, живущие в России. В статье, посвященной исследованию их этнического самосознания, Ольга Наумова приводит слова одного из казахских респондентов: «Мы — обрусевшие казахи. Среди русских давно живем, как русские стали. Обычаи свои не соблюдаем, язык не знаем... Мы уже на 60% русские»¹³. Многие из представителей этой группы ощущают себя в первую очередь россиянами, но, «несмотря на процессы европеизации и русификации, никто из российских казахов не сомневается в своей принадлежности к казахскому народу»¹⁴.

¹² Арутюнян 2005: 30.

¹³ Наумова 2000: 65.

¹⁴ Там же: 66.

В свою очередь, путь *формирования диаспоры* подразумевает сохранение группой исходной этнической идентичности при одновременном соотнесении себя с «почвой», то есть с окружающей городской средой. При конфликте собственных культурных установок с нормами принимающего общества члены диаспоры занимают изоляционистскую позицию, пытаясь отгородиться от влияния инокультурной среды. Носители диаспоральной идеологии не верят в то, что являются интегральной частью общества проживания и когда-нибудь будут им полностью приняты, и поэтому хотя бы частично ощущают свое отчуждение от него, отмечает Валерий Тишков¹⁵. Для принимающего общества они чужаки а priori, при том что в глазах самой диаспоры новое место жительства заменяет родину. По мнению Арутюнова, «диаспора — это не только и не столько состояние, диаспора — это процесс развития от „еще недииаспоры“ через „собственно диаспору“ к „уже недииаспоре“, причем различных типов — или к полностью ассимилированному компоненту, или к касте некогда инородного происхождения, или к ассоциированной национальной группе, или к полностью сформировавшейся новой этнической общности типа африканеров»¹⁶.

¹⁵ Тишков 2000: 49.

¹⁶ Арутюнов 2000: 77—78.

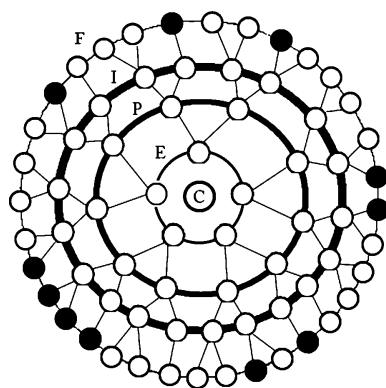
Стремление диаспоры утвердиться и укорениться на новом месте при сохранении своей культурной уникальности воспринимается принимающим обществом как покушение на его культурно-ценностные установки, что чревато возникновением конфликтов на этнической почве. Весьма показателен в этом плане эпизод, который упоминает Елена Филиппова, описывая митинг французских мусульман в Париже 7 февраля 2004 г.: «Пожилой мужчина из тех, кого называют „коренными французами“, замечает: „Почему бы не уважать правила, установленные в стране, куда вы приехали?“. В ответ человек средних лет „магрибинской“ внешности агрессивно выкрикивает: „Мы здесь у себя, больше, чем вы!“»¹⁷. Дети североафриканских мигрантов, родившиеся в Париже, закономерно считают его своим домом. Но для французского общества они прежде всего представители «инокультурной» среды, носители другой культурно-ценностной установки. Такое отношение во многом связано с нежеланием французских мусульман отодвинуть на задний план свою религиозную и этническую идентичность, приняв нормы и правила, характерные для социокультурного ядра парижской общности.

¹⁷ Филиппова 2005: 20.

Включаясь в структуру принимающего общества, мигранты первоначально занимают орбиту «folk» (см. рис. 3), испытывая культурное влияние со стороны всех составляющих систему элементов, особенно со стороны групп, расположенных на орбитах «folk» и «intellectuals». На этапе знакомства с новой средой они неизбежно оказываются в ситуации конфликта идентичностей и социокультурных установок, который разрешается либо через ассимиляцию, либо через формирование диаспоры. Индивиды, не сумевшие тем или иным образом приспособиться к новому месту своего пребывания, покидают его.

Рисунок 3 Мигранты в социокультурной структуре принимающего общества¹⁸

¹⁸ На рис. 3 и 4 черным цветом выделены группы мигрантов.

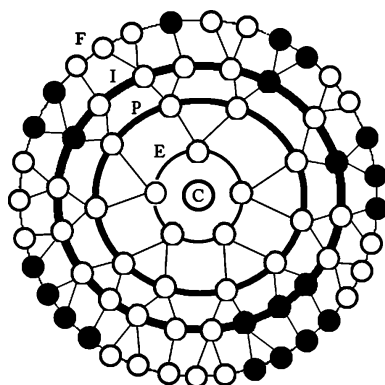
Мигранты, вставшие на путь диаспоры, замораживают свои культурно-ценностные представления, продолжая в культурном отношении оставаться частью той системы, которую покинули. По мнению Тишкова, вина за такое развитие событий во многом лежит на принимающем обществе, ограждающем себя от вторжения «чужаков» с помощью расовых, этнических, конфессиональных и иных фильтров: «Горы долго снятся тем, кому приходится учиться обрабатывать равнинные пашни, а березки — тем, кто сражается с пыльными бурями в канадских прериях, чтобы спасти урожай. И все же последнее („ландшафтная ностальгия“) проходит быстрее, чем жесткие социальные (расовые тоже в этой же категории) клетки, из которых представители диаспор выбирают поколениями, иногда на протяжении всей известной истории»¹⁹. Но хотя расовые, этнические, религиозные стереотипы коренного населения, бесспорно, препятствуют успешной интеграции мигрантов в принимающее общество, решающую роль здесь, на наш взгляд, играет именно идентификационный фильтр. Чувство принадлежности к городской общности, усвоение ее культурно-ценностных установок, соблюдение утвердившихся в ней правил поведения разрушают основанные на стереотипах барьеры. Однако образующие диаспору индивиды не хотят вливаться в принимающее общество, образуя «общество внутри общества» (см. рис. 4).

¹⁹ Тишков 2000: 49.

Попытаемся применить нашу модель к конкретному случаю, взяв в качестве примера межэтнический конфликт в Кондопоге в 2006 г. Согласно «Российской газете», «поводом для волнений послужила массовая драка между несколькими коренными жителями города и приезжими с Кавказа в ночь на 30 августа в местном ресторане „Чайка“... В стычке участвовали около 20 человек. Один из них погиб на месте, другой скончался от ножевых ранений по дороге в больницу. Еще несколько человек были госпитализированы»²⁰. В средствах массовой

²⁰ Поташов 2006.

Рисунок 4 Диаспоральные группы в социокультурной структуре принимающего общества

информации конфликт был представлен как столкновение преступных сообществ Кондопоги, а администрация Кондопожского района Карелии охарактеризовала его как «бытовой». Однако последующие события показали, что драка в «Чайке» была лишь «верхушкой айсберга».

На следующее утро жители Кондопоги вышли на митинг с требованием выслать из города всех кавказцев. «Мы не ожидали, что на этот призыв откликнется около двух тысяч человек, — рассказал корреспонденту «Российской газеты» глава Кондопожского городского поселения Анатолий Папченков. — Люди окружили здание администрации и даже хотели его штурмовать, если мы не удовлетворим их требования. Мы попытались объяснить собравшимся, что выдворять из города приезжих с Северного Кавказа, которые проживают здесь на законных основаниях, мы не вправе, но многие и слушать нас не хотели. Единственное, что мы могли пообещать людям, — расторгнуть договор аренды с тем предпринимателем, который оказался не в состоянии обеспечить порядок в ресторане»²¹. В конечном итоге конфликт завершился арестом участников драки и массовым бегством кавказцев из города. Но вопросы остались.

²¹ Там же.

Пытаясь оправдать себя, участники антикавказских выступлений указывали на преступный характер деятельности мигрантов с Северного Кавказа, доминирование их в экономической сфере и т.д.²² По словам одного из местных жителей, конфликты с кавказцами были «с самого начала, как только они появились. Ведь полгорода под ними — магазины, кафе, фирмы»²³. Однако высказывалась и другая трактовка произошедшего. По мнению тогдашнего главы Республики Карелии Катанандова, главной причиной массовых беспорядков в Кондопоге стало то, что «...на наших глазах группа представителей другого народа вела себя дерзко и вызывающе, игнорируя менталитет нашего

²² Григорьев 2007.

²³ Цит. по: Цыганов 2006.

²⁴ Там же. народа»²⁴. Речь шла, конечно, скорее не о менталитете, а о социокультурных особенностях кондопожской общности, но в целом озвученная Катанандовым версия довольно точно отражала истоки межэтнического противостояния.

Ключевым фактором возникновения конфликта было неприятие мигрантами, пошедшими по пути формирования диаспоры, правил поведения и культурно-ценностных норм, характерных для принимающего общества, что привело к отторжению социокультурной средой Кондопоги инокультурных частиц. Можно предположить, что обострению ситуации способствовало то обстоятельство, что диаспоральная группа выходцев с Северного Кавказа, многие члены которой занимали в социокультурной структуре кондопожской общности орбиты, близкие к ядру, пыталась навязать собственные культурно-ценностные установки всему городскому социуму, то есть изменить социокультурную среду в соответствии со своей идентичностью первого порядка (ассимиляция наоборот). Разумеется, драка в ресторане «Чайка» вполне могла быть столкновением преступных группировок, но разве разборки в преступной среде влекут за собой народные выступления? Нет. Общность испытывала напряжение, вызванное несовпадением идентичностей и желанием мигрантов перестроить окружающую культурную реальность под себя. И с появлением повода это напряжение вылилось в массовые беспорядки.

* * *

Суммируя вышесказанное, можно сформулировать несколько тезисов, отражающих культурный аспект межэтнических отношений в городской среде в свете соотношения идентичностей мигрантов и членов принимающего общества.

1. Идентичность неразрывно связана с представлениями об отличительных особенностях той или иной общности, выраженных в культурно-ценностных нормах и правилах поведения.
2. Коллективные представления образуют социокультурное ядро общности, которое, с одной стороны, влияет на эту общность, а с другой — само подвержено влиянию со стороны ее членов.
3. Оказавшись в иной социокультурной среде, мигранты либо отождествляют себя с существующим там сообществом, следуя принятым в нем правилам поведения, либо идентифицируют себя с местностью (ингерманландские финны, парижские мусульмане, русский Брайтон-Бич в Нью-Йорке и т.д.), сохраняя ориентацию на социокультурное ядро «материнского» социума.

Таким образом, можно заключить, что культурные факторы, находящие отражение в ключевых идентичностях, играют первостепенную роль во взаимоотношениях мигрантов с принимающим обществом и успех интеграции индивида в новую социокультурную среду, как правило, во многом зависит от него самого.

Библиография

- Арутюнов С.А.** 2000. Диаспора — это процесс // *Этнографическое обозрение*. № 2.
- Арутюнян Ю.В.** 2005. О потенциале межэтнической интеграции в московском мегаполисе // *Социологические исследования*. № 1.
- Брумейкер Р.** 2012. *Этничность без группы*. — М.
- Григорьев М.С.** 2007. *Кондопога: Что это было*. — М.
- Дробижева Л.М.** 2003. *Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России*. — М.
- Жуковская Ю.О.** 2009. К вопросу о социальной адаптации трудовых мигрантов в российской среде // *Социология и социальная антропология*. № 1.
- Зайончковская Ж.А.** 2004. Миграция вышла из тени // *Отечественные записки*. № 4.
- Мукомель В.И.** 2011. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // *Мир России*. № 4.
- Костин Р.А.** 1997. *Миграция: Современные проблемы Российской Федерации*. — СПб.
- Наумова О.Б.** 2000. Казахская диаспора в России: этническое самосознание и миграционное поведение // *Этнографическое обозрение*. № 3.
- Попков В.Д.** 2003. Сообщество афганских мигрантов в Москве: вопросы структуры и идентичности // *Социология и социальная антропология*. № 2.
- Поташов В.** 2006. Погром по сговору // *Российская газета*. 04.09 (<http://www.rg.ru/2006/09/04/kondopoga.html>).
- Стефаненко Т.Г.** 2003. Адаптация к новой культурной среде // Стефаненко Т.Г. *Этнопсихология*. — М.
- Тишков В.А.** 2000. Исторический феномен диаспоры // *Этнографическое обозрение*. № 2.
- Филиппов В.Р.** 2009. *Этничность и власть в столичном мегаполисе*. — М.
- Филиппова Е.И.** 2005. Французы, мусульмане: в чем проблема? // *Этнографическое обозрение*. № 3.
- Цыганов А.** 2006. «Вели себя дерзко, игнорируя менталитет нашего народа» // *Коммерсантъ*. 05.09 (<http://www.kommersant.ru/doc/702460>).
- Юдина Т.Н.** 2003. *Социология миграции*. — М.
- Schiffauer W.** 1999. Der Mensch und sein Platz auf der Welt // *Die Tageszeitung*. 25.10.
- Tibi V.** 1998. *Europa ohne Identität. Die Krise der multikulturellen Gesellschaft*. — München.
- Triandis H.C.** 1994. *Culture and Social Behavior*. — N.Y.